

РОДОВАЯ (ЯЗЫЧЕСКАЯ) КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И СЕМЬЯ

В. В. Кириенко (Гомель)

Родовая, дохристианская, т.н. языческая культура восточных славян и после принятия христианства оказывает мощное воздействие на все сферы жизнедеятельности. Языческий бог Род у древних славян

был главным в пантеоне богов. Неслучайно все самые важные, интегрирующие понятия, принципы, связывающие в единую систему механизмы взаимодействия человека с обществом, общества с природой, у восточных славян имеет один и тот же корень *род*.

В процессе узаконивания христианских норм и ценностей как «единственно правильных» ощущение своего единства с родом и природой, вытесненное христианством из официальной культуры, переместилось в область фантастики, в предания, сказки, мифы, суеверия, обряды, ворожбу, заговоры и гадания. И сегодня, спустя тысячу лет после официального принятия православной версии христианства, не только народные обряды и праздники, но и сам жизненный строй восточных славян в значительной степени подчинен природнородовому мироощущению. Несмотря ни на что, и в настоящее время родовая культура в жизни белорусов является структурообразующей. *Род* и после христианизации остался главным началом, пронизывающим всю жизнь восточных славян.

Так, *родословная* (бел.- *радавод*) у восточных славян, говоря современным языком, выстраивает генеалогическое древо происхождения и взаимоотношения всех членов *рода*, *родственников*. В отличие от западноевропейцев и североамериканцев, восточные славяне были обречены жить *не вопреки* и даже *не рядом с другими, а только вместе с родичами, с родными*. В условиях неписьменной культуры, отсутствия каких-либо письменных документов, удостоверяющих личность, ответ на вопрос «какого ты роду, племени?» был решающим при определении социального статуса незнакомца. Знать свой *род*, своих *родичей* до пятого поколения было совершенно естественно. Знания о своих *предках* славяне получали из устных *преданий*. «Преданья старины глубокой» и были важнейшим элементом дохристианской, дописьменной культуры восточных славян. Устная форма преданий - основного источника знаний о жизни как современников, так и предков, предполагала высокую коммуникативность, естественное славянское гостеприимство. *Роженница* (бел. - *парадзіха*), женщина, дающая жизнь новому члену *рода*, была важнейшим, неотъемлемым, в очень сильной степени сакральным звеном в продолжении рода. Женщина, лишенная способности рожать, была неполноценной и даже опасной. Женское бесплодие рассматривалось как кара за грех. Процедура родов сопровождалась целым набором обрядов, родившую женщину одаривали. Чем больше было детей у женщины, тем более значимым был ее социальный статус.

Родители, предки (бел. - *продкі*) занимали главное место в славянском мире не только при жизни, но и после ее окончания. *Родитель-*

ский день (*Радуница*) до настоящего времени у белорусов является самым сакральным, самым главным интимно-родовым праздником, святодействием. По своему значению, неформализованной обязательности он перекрывает все остальные культовые праздники. На дохристианскую, родовую сущность Радуницы указывает ее ритуально-обрядовая структура. Уход за могилками, обильное, щедрое угощение выполняют функцию встречи не только живущих родственников с усопшими, но и живущих родственников друг с другом. Ритуальное обязательное «кормление» усопших родственников реализует иллюзию не только духовной, но и «плотской» связи между живыми и усопшими родственниками.

Особенно реально значимость этого пережившего тысячелетие святодействия проявляется на землях, опаленных Чернобылем. Мертвые родовые поселения, из которых по злой воле ушли жители, в этот день приобретают сюрреальный облик. Пустые глазницы домов, разрушенные подворья, одичавшие сады, заросшие пашни и приусадебные участки и... «живое» кладбище, приведенные в порядок, покрытые коврами, скатертями могилы родичей. Могилы предков в Родительский день для людей, изгнанных Чернобылем из родных мест в чужие края, становятся местом встреч не только живых родичей с усопшими, но и живых с живыми. Неподвластная воле и сознанию сила - зов предков - заставляет людей, рассеянных по Беларуси (и не только по Беларуси), собираться в этот день на могилах предков. Для чего собираются здесь родичи? Для того, чтобы почувствовать свою причастность к своему *роду*, своей *Родине*, своему кусочку *природы*. Сколько времени еще сохранится у белорусов одна из базовых ментальных характеристик «сопричастности с родом»? Сказать трудно. История показала, что этот «зов» позволил достаточно мирно сосуществовать в течение нескольких столетий «подпольной» языческой, родовой религии с официальной, православно-христианской.

Категория *благородный* в первоначальном смысле обозначала человека, рожденного от благого, хорошего рода, позже приобрела социальную характеристику *благого*, хорошего, скорее по воспитанию, чем по рождению человека. Понятие выродок у восточных славян обозначает человека, утратившего в процессе беспутной жизни изначальные социально-родовые качества, а понятие *урод* - скорее всего, человека, который родился без значимых родовых характеристик. Широко используется в христианской культуре понятие *юродивый*, как отличный от других людей, Богом избранный человек, скорее всего является трансформированным понятием *урода*. Близкие по смыслу *чужеродный* и *инородный* различаются между собой таким

образом, что если *инородный* обозначает человека, принадлежащего к *нейтрально иному роду*, то категория *чужеродный* обозначает индивида, принадлежащего к *чуждому, чуждому* роду.

Категория *безродный* носит социально нормативную, осуждающую нагрузку. Вследствие того что в кровно-родственном измерении человек в принципе не может быть *без рода*, то очевидно, что здесь акцент делается именно на *социально-родовое беспомыслие* и реально обозначает человека, *не помнящего или не знающего родства*. И, наоборот, *породненный* - это тот, кто не является кровным родственником, но принял, признал нормы и ценности данного рода. Специфической формой *породнения* у восточных славян является *кумовство*. Поскольку на кума и куму возлагаются *родительские* функции в воспитании крестника, то фактически они входили в состав самых близких родственников. Кум и кума подбирались на добровольной основе, и родители крестника таким образом подбирали нормативно-желательных наилучших социальных *«родственников»*.

Природа в ощущении славян выражает не просто ландшафт, а именно ту часть естественного окружения, в которой живет *род*. *Природа* у восточных славян ассоциируется с лесом, полем, болотом, которые окружают и в которых живет *род*. *Родник* - восточные славяне воспринимали не как простой источник воды, а как жизненный источник, питающий влагой род. *Огород* - это не только участок огороженной земли, обеспечивающий род продуктами. Но земля у восточных славян была не только объектом труда. Для восточных славян аграрно-продуктивная и сакрально-магическая сущность земли были неразрывными. «Мать - сыра земля» была не только насыщенной влагой, питающей корни растений и рождающей урожай, но и *Родиной*, где жили их предки, где живут и будут жить потомки *-родственники*. «Из земли мы вышли, и в землю войдем» - истина, которую за-

долго до христианства освоили наши предки. Именно поэтому земля у славян была *родной*. И сегодня еще сохранился обычай, покидая родные места, брать с собой на чужбину горсть родной земли. А в случае, если человека хоронят не в родной земле, первой в могилу нужно бросить горсть земли, привезенной с *Родины*.

Самое главное производное от *рода* понятие *Родина* у восточных славян выражает сложные взаимосвязи человека, во-первых, с *родом, родней, предками*, во-вторых, с ландшафтом, окружающим *род - природой*, и, в-третьих, с особенными отношениями, в которых люди ощущают себя *родными, родимыми*. Поэтому самым главным и самым святым мужским долгом у славян был долг защищать *Родину*. Утратив любую из трех компонент, образующих неперебиваемые на

другие языки, понятие *Родины* славянин ощущает чувство дискомфорта. Всем известна мучащая оказавшихся на *чужбине* славян и непонятная для других этносов ностальгия. Это мучительное чувство у славян возникает, даже если они выезжают в эмиграцию со своими *родными*. Но нельзя с собой взять могилы *предков*, нельзя взять с собой *природу*. В отличие от американцев, у белорусов Родина - не абстрактное, аморфное понятие. У американца Родина - там, где хорошо; у белоруса хорошо - там, где его Родина: «Где родился - там и пригодился». Следует отметить, что важнейшая особенность славянского феномена - Родины - заключается в том, что в критические времена ее масштабы расширяются до границ государства - Отечества (Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941-1945 гг. тому доказательства). В мирное, стабильное время ее масштабы сужаются до границ «малой Родины». Просчеты советских идеологов в патриотическом воспитании заключались в игнорировании именно этой закономерности.

Следует подчеркнуть, что не только чужеземная эмиграция, но и современные чернобыльские события показали: переезд со своей «малой Родины» и на сравнительно недалеком расстоянии и даже всей деревней, всем родом, для многих «чернобыльцев» оказался непосильной нагрузкой. Родная природа, могилы предков оказались сильнее страшного атома. «Чернобыльцы», вернувшиеся в разоренные родовые гнезда, вынуждены были сделать нелегкий выбор: возвратиться к могилам своих предков, к своим, после атомной катастрофы ставшими «своими - чужими», огороду и полю, болоту и лесу - своей малой Родине, но при этом разорвать связи с родственниками, оставшимися на чужбине. Если бы знали об этом руководители, принимавшие непростое решение о выселении «чернобыльцев», может быть, и не сделали бы такой массы социальных просчетов, не рассеялись бы по белу свету столько людей, ставших *безродными*. Проводимая в настоящее время государственная политика по наведению порядка на земле, возрождению малых городов и сел, помимо других социально-экономических последствий, работает и на восстановление «малых Родин» - *родовых* гнезд белорусов, восстановление *их* *родовой* памяти, *родового* сознания.

Ослабление значимости и ценности *родового* мужского начала в славянском мире неизбежно сказывается на дееспособности всех социальных структур, в первую очередь на основе социальной организации - *семье*. Социальные сироты, неполные семьи - прямые следствия деградации мужского, родового начала. Ведь если отбросить лукавство и называть вещи своими именами, то под понятием непол-

ной семьи реально понимается материнская, безмужняя и безотцовская семья. Обратите внимание, на первый взгляд складывается парадоксальная ситуация: после развода безмужняя семья в большинстве случаев носит фамилию бывшего мужа, отчество детей отражает мужскую родовую линию, но фактически главой семьи становится женщина. Почему разведенная женщина в большинстве случаев оставляет фамилию бывшего мужа? Потому что на уровне подсознания ощущает, что лишать детей отцовской родовой линии опасно, а, поменяв фамилию на девичью, она в родовом ощущении неизбежно «разводится» с детьми.

По каким причинам в славянском мире происходит беспрецедентная деградация семейных ценностей? Одна из причин заключается в том, что у славян при всех перипетиях семья и в XXI веке не становится по американскому образцу нукlearной, в которую включаются только муж с женой и их несовершеннолетние дети. В нукlearной семье дети, достигшие совершеннолетия, социально перестают быть детьми. В славянском мире дети социально остаются таковыми, пока живы их родители. Как ни парадоксально, но одна из важнейших причин, провоцирующих воспроизводство неполных семей, заключается в том, что женщина при принятии решения о разводе ощущает себя частью прежней - отцовско-материнской, патриархально-родовой семьи. Не только мать с отцом, но и бабушка и дедушка, братья и сестры, тети и дяди, другие родственники не только окажут материальную помощь, но и возьмут внука или внучку на воспитание, т. е. станут их фактическими родителями. Американке надеяться не на кого, поэтому она тысячу раз взвесит возможные последствия и вступления в брак, и его расторжения. В славянском мире иначе. Противоестественное соединение американского понимания личной свободы со славянским пониманием ответственности всего рода за каждого своего родича и породило эту горячую смесь «свободно-безответственного» семейного поведения.

В восстановлении мужского родового начала в семье славянские женщины фактически заинтересованы больше, чем мужчины. *Феминизм* - совершенно естественное явление индивидуалистической западной культуры, в условиях коллективистской культуры проявляется в своей совершенно противоестественной, неадекватной форме. Ведь в славянском мире девушки выходят *взамуж*, т.е. идут *за мужем*, а юноши *женятся*, т.е. ведут за собой жену. Чем больше эфемерного «равенства» в условиях славянской коллективистской славянской культуры будут добиваться феминистки, тем больше будут «размываться» мужские, родовые начала. И речь здесь, конечно, не

идет о формально юридическом, а о фактическом восстановлении ответственного мужского родового начала. Способность организовать самодостаточность семьи, обеспечить ее не только хозяйственно-бытовую, но и эмоционально-интимную устойчивость, сформировать чувство ответственной согласованности, рациональной взаимодейтельности, взаимной ответственности членов семьи - удел и крест мужчины. И никакая финансовая компенсация - будь то алименты или любая другая «финансовая поддержка» - не способна компенсировать отсутствие мужского влияния в семье, мужской линии воспитания детей. В неполной материнской семье мальчик не может выстроить для себя образ реального семейного мужчины и мужа, девочка лишена возможности построить свою собственную модель будущей жены, равно как и модель будущего мужа. Безотцовщина - социальный «приговор», существовавший в славянском мире, вновь стал таковым.

Чрезвычайно важно, чтобы общество, все государственные институты не только как можно раньше осознали, что восстановление «размытого» мужского родового начала - это не прихоть, не маскилинная рефлексия на неумные претензии феминисток, а жесткая необходимость восстановления, по своей сути мужских, ответственности, служения Родине и жертвенности во имя общих целей. Мужские начала - благородство, ответственность, честь, воля, способность преодолевать трудности - не передаются по наследству автоматически, не продаются и не покупаются, но являются продуктом сложной системы воспитания, в первую очередь, семейного.

Потеря значимости в обществе мужского родового начала публично проявилась в конце 80-х - начале 90-х годов XX века, став важнейшим индикатором деградации советского общества. Публичный отказ от службы в Вооруженных силах, небывалое в славянском мире «шельмование» армии, силовых структур, возможно, и не самое главное, но самое яркое проявление деградации мужского начала в обществе. Быть большим и обиженным мужчиной оказалось престижнее и выгоднее, чем быть здоровым и сильным. Сформированные на этих социально-нравственных началах семьи были обречены на ущербное существование. «Откосившие» от службы в армии мальчики, став мужьями, были обречены на такую же линию поведения и в семье. Девочки, биологически, психологически и социально взрослеющие на три-четыре года раньше мальчиков, выйдя замуж за своих ровесников, обречены оставаться в семье старшими. Круг замкнулся.